

Инна КИМ

## ВАН ГОГ С КУЗБАССКОГО МАРСА

Есть на окраине кузбасского Прокопьевска неприметный поселок с диковинным именем Марс. Ничего космического в нем нет. Обычные расхристанные гармошки заборов, неподстриженные кусты и деревья, растопырившие ветки-объяття. Сверху вздымаются чадающие трубы шахтерского городка. Этот нехитрый «марсианский» пейзаж любил рисовать тоже внешне неприметный местный житель Иван Егорович Селиванов. Он был похож на сказочного лесовичка — маленького роста, с сияющими детским любопытством ярко-голубыми глазами. Соседи не ведали, что чудаковатый старик — всемирно известный художник-наивист, которого московские искусствоведы называют сибирским Пиросмани и Ван Гогом и считают национальным достоянием.

В 1970-х на прокопьевский Марс зачастили гости из столицы. Приезжие журналисты брали у Ивана Егоровича интервью и с удовольствием фотографировали колоритные «марсианские» виды. Столичные искусствоведы отбирали картины сибирского Ван Гога для выставок, которые проходили в Москве, Париже, Берлине, Бонне, Праге, Токио и Нью-Йорке.

О прокопьевском Пиросмани, чье имя входит во «Всемирную энциклопедию наивного искусства», было написано более 150 статей и книг, снято немало документальных фильмов. Его обаятельный, истинно народный образ лег в основу художественного кино «Серафим Полубес и другие жители Земли» с участием советских звезд Родиона Нахапетова и Дарьи Михайловой, которое режиссер Виктор Прохоров представил зрителям в 1983 году.

История о художнике-самородке, который не мыслит жизни без творчества, и бывшем художнике Никите Завьялове, который изменяет творчеству ради престижной должности, действительно могла произойти на кузбасском Марсе. По сюжету фильма, московский эксперт-искусствовед приезжает для отбора картин Серафима Полубеса на выставку в Париже. Встреча с незаурядным человеком и его удивительными картинами, а также внезапно вспыхнувшая любовь к местной девушке Даше духовно обогащает молодого москвича, заставляя его задуматься и изменить свою жизнь.

В середине 1980-х годов кино «Серафим Полубес и другие жители Земли» стало настоящим хитом проката. Крутили его и в центральном кинотеатре Прокопьевска. Премьеру фильма посетил Иван Егорович Селиванов. Никем не узанного маленького голубоглазого старичка, ставшего

прототипом главного героя, на киносеанс привели, держа под руки, две городские учительницы.

## Немного биографии

Иван Селиванов родился в 1907 году на Русском Севере, под Архангельском. Семья жила очень бедно, кое-как сводя концы с концами. Когда отец умер, трем братьям-бездетовщине вместе с матерью Татьяной Егоровной пришлось идти «в люди». Младшему Ивану в то время едва исполнилось пять лет. Он долго просил подавание по соседним деревням. В 15-летнем возрасте паренька взяли деревенским пастухом. Спустя два года он начал скитаться. Работал кузнецом, слесарем, кочегаром, печником, сторожем, подряжался на стройки в Мурманск, Архангельск, Онегу, Свердловск.

Однажды перед дальней дорогой ему удалось заглянуть в родную деревню, чтобы проведать «мамушку» — так Иван Селиванов называл мать. Больше они не увидятся — Татьяна Егоровна умрет в 1937 году. Но ее образ останется перед любящими сыновними глазами навсегда. Ее аккуратно причесанные волосы и строгие губы. Ее натруженные руки, которые без отдыха пряли, ткали, месили тесто, обрабатывали землю, чтобы накормить детей. А главное — ее широко расставленные, светлые, сияющие, как северное небо, глаза. Он нарисует их через долгие десятилетия.

В своих скитаниях по стране Иван Егорович дошел до Запорожья. Там он встретил будущую жену Вареньку — одну-единственную на всю жизнь, а потом вместе с ней перебрался в Ленинград. С началом Великой Отечественной войны Селивановы отправились в эвакуацию в Кузбасс. Сначала супруги жили в Сталинске (ныне Новокузнецк), позже переехали в Мундыбаш, откуда перебрались в Прокопьевск. На окраине этого небольшого шахтерского города в местном поселке Марс Иван и Варвара Селивановы построили дом.

Супруги не боялись никакой работы. Иван Егорович был отменным печником — умение в кузбасском городке, застроенном деревянными домишками, просто бесценное. Но в возрасте около сорока лет глава семьи вдруг увидел на витрине магазина картину, которая перевернула всю его жизнь.

В тот вечер он вернулся домой задумчивый. Долго о чем-то размышлял. А потом купил обычные краски для школьных уроков рисования и изобразил скачущего по соседству воробья. Возможно, страстная тяга к творчеству так и пропала бы втуне, однако на глаза новоявленного художника попало объявление Заочного народного университета искусств имени Крупской о наборе студентов. Сорокалетний Иван Егорович, ни минуты не сомневаясь, отправил в приемную комиссию свой первый в жизни рисунок — эскиз того самого воробья.

Так началась учеба «сибирского Пиросмани». От своих столичных педагогов он получал задания и старательно их выполнял, отсылая результаты своего труда по почте. Наброски он всегда делал долго, мучаясь в сомнениях и священнодействуя. Он и правда служил искусству в буквальном смысле этого слова. Про свои работы художник говорил, что он их «...произносит на фоне неба».

Супруга Варвара Илларионовна, чьих портретов художник-наивист нарисовал более сорока, ворчала, что лучше бы он людям печи делал, чем ненужные картинки малевал. Иван Егорович в ответ только усмехался: «За чем мне деньги? На смерть я накопил». Он был удивительно скромен в быту. Жили Селивановы, мягко говоря, без особого достатка. Прокопьевскому Ван Гогу приходилось из экономии мастерить кисти из собственных волос.

## Иван Егорович и признание

Когда на художника неожиданно свалилась слава, он не изменил ни своим привычкам, ни своим принципам. Как любой человек, Иван Егорович радовался вниманию и похвале, но и немало удивлял приезжих журналистов и искусствоведов. Бывало, заходит такой гость в дом, говорит с порога: «Здравствуйте, я к вам ненадолго». А художник с улыбкой отвечает: «Вот и хорошо! Может, я завтра умру, а у меня еще много планов».

Продавать свои картины И. Е. Селиванов отказывался, даже когда ему сулили внушительные, немислимые для «марсианского» чудака суммы. Каждую из своих четырехсот работ он по мере готовности отсылал в Москву на адрес Заочного народного университета искусств имени Н. К. Крупской с подписью «Для потомства, для новых поколений». Многие из них и сейчас находятся там. Будучи бессребреником, Иван Селиванов свято верил в силу искусства. Часто повторял: «Все, что мною сделано, принадлежит только моей советской России».

Рисовал он ежедневно. Окружавшие его на родном Марсе петухи, собаки, коровы, коты будто сами просились на лист. Животные с его картин прямо глядят в душу зрителей человеческими глазами. Образы деревенских четвероногих и крылатых обитателей, библейских оленей и львов в его исполнении больше похожи на иконы, чем на образчики анималистического искусства.

Кроме всего прочего, кузбасскому Ван Гогу нравилось переносить на бумагу впечатления от кинокартин того времени. Так появились почти иконописная, в каком-то византийском стиле «Анка-пулеметчица», одновременно античный и славянский, простодушный и мягкий «Спартак», близкий русской душе, бессмертный «Павка Корчагин».

Удавались его кисти и реальные люди, соседи по шахтерскому Прокопьевску. Мужчины с улыбающимися глазами и пшеничными чубами, в строгих пиджаках и нарядных рубашках. Женщины в ситцевых платьях с рукавчиками-фонариками и с аккуратно уложенными вокруг головы кренделями кос. Достаточно часто Иван Селиванов рисовал автопортреты. Но кого бы он ни изображал — домашнего любимца Ваську, знаменитого гладиатора, чистящую картошку соседку или самого себя, — все его персонажи надеялись невероятным, горюющим, взыскующим взглядом, который притягивает к себе, от которого невозможно оторвать глаз.

В жизни художника был целый год, когда он не мог взять в руки ни карандаша, ни кисти. Это произошло после смерти жены, которая верно делала с ним все невзгоды и редкие радости. Первой работой после долгого

перерыва стал портрет любимого кота Васьки, сидящего на снегу. Гением художника хрупкий предвесенний свет проникает в кошачьи глаза, полные ужаса, одиночества, боли и неприятия смерти родного человека.

## Последние годы жизни

В 1986 году Иван Егорович Селиванов в возрасте 79 лет поступил «на дожитие» в дом престарелых на берегу Беловского водохранилища. Хотя никаких условий для этого не было, в интернате он не прекратил рисовать. Поначалу Селиванову отказывали в скромных просьбах — например, купить бумаги или дать стеклянную баночку, чтобы прополоскать кисточки от краски. Его считали городским сумасшедшим, который от одиночества навоображал о себе невесть что.

Но однажды из Новокузнецка в гости к престарелым приехала делегация живописцев и искусствоведов. После того как они опознали всемирно известного художника-наивиста, Ивану Егоровичу выделили две комнаты — одну для проживания, другую под мастерскую. Именно здесь, в этой маленькой мастерской, появились на свет его знаменитый автопортрет и почти икона — пронзительный «Портрет матери». Он выглядит как посвящение родине, собственному детству, миру и давно умершей женщине, восемь десятков лет назад ласкавшей его золотые кудри натруженными руками...

В том же 1986 году Иван Егорович участвовал в открытии собственной персональной выставки в Новокузнецком художественном музее. В южную столицу Кузбасса его привезли заботливые поклонники. В память о том давнем событии новокузнецкие музейщики каждую весну собирают неравнодушных к наивному искусству горожан.

Иван Егорович Селиванов умер в одиночестве 1 марта 1988 года. Его похоронили неподалеку от дома престарелых на кладбище поселка Инской. Светлая память творцу!

